

О Гоголе. «Гоголь – огромный талант...»

1909–1910 гг.
том 38

Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и небольшой, несмелый, робкий ум.

Отдается он своему таланту – и выходят прекрасные литературные произведения, как «Старосветские помещики», первая часть «Мертвых Душ», «Ревизор» и в особенности – верх совершенства в своем роде – «Коляска». Отдается своему сердцу и религиозному чувству – и выходят в его письмах, как в письме «О значении болезней», «О том, что такое слово» и во многих и многих других, трогательные, часто глубокие и поучительные мысли. Но как только хочет он писать художественные произведения на нравственно–религиозные темы или придать уже написанным произведениям несвойственный им нравственно–религиозный поучительный смысл, выходит ужасная, отвратительная чепуха, как это проявляется во второй части «Мертвых Душ», в заключительной сцене к «Ревизору» и во многих письмах.

Происходит это от того, что, с одной стороны, Гоголь приписывает искусству несвойственное ему высокое значение, а с другой – еще менее свойственное религии низкое значение церковное, и хочет объяснить это воображаемое высокое значение своих произведений этой церковной верой. Если бы Гоголь, с одной стороны, просто любил писать повести и комедии и занимался этим, не придавая этим занятиям особенного, гегельянского, священнослужительского значения, и с другой стороны, просто признавал бы церковное учение и государственное устройство, как нечто такое, с чем ему не за чем спорить, и чего нет основания оправдывать, то он продолжал бы писать и свои очень хорошие рассказы и комедии и при случае высказывал бы в письмах, а может быть и в отдельных сочинениях свои часто очень глубокие, из сердца выходящие нравственные религиозные мысли. Но, к сожалению, в то время, как Гоголь вступил в литературный мир, в особенности после смерти не только огромного таланта, но и бодрого, ясного, незапутанного Пушкина, царствовало по отношению к искусству – не могу иначе сказать – то до невероятности глупое учение Гегеля, по которому выходило то, что строить дома, петь песни, рисовать картины и писать повести, комедии и стихи представляет из себя некое священнодействие, «служение красоте», стоящее только на одну степень ниже религии. Одновременно с этим учением было распространено в то время и другое, не менее нелепое и не менее запутанное и напыщенное учение славянофильства об особенном значении русского, т. е. того народа, к которому принадлежали рассуждающие, и вместе с тем особенного значения того извращения христианства, которое называлось православием.

Гоголь хотя и мало сознательно, но усвоил себе оба учения: учение об особенном значении искусства он естественно усвоил, потому что оно приписывало великую важность его деятельности, другое же, славянофильское учение тоже не могло не привлечь его, так как, оправдывая все существующее, успокаивало и льстило самолюбию.

И Гоголь усвоил оба учения и постарался соединить их в применении к своему писательству. Из этой-то попытки и вышли те удивительные нелепости, которые так поражают в его писаниях последнего времени.

Примечания

В дневнике Н. Н. Гусева от 4 марта 1909 г. записано: «В. А. Поссе просил Л. Н-ча написать для его журнала [«Жизнь для всех»] о Гоголе по поводу предстоящего в этом месяце его юбилея (100-летие со дня рождения). Л. Н., желая исполнить просьбу Поссе, перечитывает теперь Гоголя. Сегодня он сказал мне: – «Как я рад, что перечитываю Гоголя! Я теперь читаю «Переписку с друзьями». Рядом с пошлостями такие глубокие религиозные истины» («Два года с Толстым», И8д. «Посредник». М. 1912, стр. 255). В Дневнике самого Толстого, от 5 марта 1909 г., имеется запись о Гоголе, переписанная сюда А. Л. Толстой из Записной книжки («Гоголь – огромный талант» и пр.). 7 марта Толстой опять диктовал Гусеву статью о Гоголе (см. там же, стр. 256). В Дневнике Толстого от того же числа сделана запись: («Как Гоголь прав в своем безобразии, и как Белинский кругом неправ в своем блеске с своим презрительным упоминанием о каком-то «боге») (см. т. 57).

22 марта 1909 г. в Дневнике Толстого записано: «Был корреспондент Русского слова. О Гоголе написал и дал» (см. там же). Этот корреспондент – С. П. Спиро. В «Русском слове» от 24 марта 1909 г. (№ 68) он напечатал мысли Толстого о Гоголе (под заглавием «Толстой о Гоголе»), с вводной заметкой, в которой сообщал: «Во время «гоголевских дней» я отправился в Ясную поляну побеседовать с Л. Н. Толстым о Гоголе. Результат поездки превзошел все мои надежды. Лев Николаевич дал мне о Гоголе свою статью». – Одна моя приятельница, – сказал Лев Николаевич, – недавно говорила со мной о «Старосветских помещиках», и после этого я стал перечитывать их. Когда я перечитываю Гоголя, то всегда перечитываю его «Переписку с друзьями», далеко не оцененную Белинским и содержащую чрезвычайно много драгоценного рядом с очень дурным и возмутительным для того времени» (С. П. Спиро, «Беседы с Л. Н. Толстым». М. 1911, стр. 13–19).

В ГТМ (АЧ, папка 120, 6) хранится машинопись статьи, испещренная поправками, вставками и изменениями, сделанными рукой Толстого (карандашом и чернилами) – 4 листа обыкновенной писчей бумаги 4°. Из них л. 1 – кусок более ранней редакции, от которой ничего больше не сохранилось (см. варианты №№ 1 и 2). На л. 4 об., под текстом, рукой Н. Н. Гусева написано (карандашом): «Март 09».

Печатаем статью по тексту «Русского слова», исправляя по авторской рукописи погрешности газетной публикации. Печатаем по «Русскому слову» также и список пометок Толстого при перечитывании им в 1909 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя.

О Гоголе. «Все мы люди, прожившие жизнь...»

1888–1889 гг.
том 26

Все мы люди, прожившіе жизнь, проживаемъ одно и тоже: вступаемъ въ жизнь детьми чистыми, невинными, любящими Бога и людей; все мы хотимъ больше больше всего одного: сделать въ жизни такое хорошее дело, чтобы все уважали, благодарили и любили насъ.

И все мы проходимъ черезъ одне и те же испытанія. Чемъ больше мы живемъ, <темъ больше мы теряемъ чистоту и невинность>, темъ больше забываемъ наше желаніе сделать что-нибудь хорошее въ жизни, темъ более завязаемъ въ соблазнахъ, темъ больше узнаемъ людей, делающихъ дурное и пользующихся уваженіемъ и благодарностью и какъ будто любовью людей. И въ душе нашей возникаетъ сомненіе: точно ли хорошо то истинно хорошее, котораго съ детства проситъ наша душа и не следуетъ ли удовлетвориться темъ, что считается хорошимъ большинствомъ людей, то, за что благодарятъ и какъ будто любятъ людей. То хорошее, которое требуетъ душа, какъ будто никому не нужно и, хотя, правда, никто не осуждаетъ его –надъ нимъ (для молодого человека) делаютъ худшее, надъ нимъ смеются; то же, что делаютъ дурные люди, за что уважаютъ и благодарны и какъ будто любятъ людей, не то, что хвалятъ, а одобряютъ, признаютъ должнымъ. И начинается борьба. И борьба эта всегда, хоть на короткое время, но всегда склоняется въ пользу требованія міра. Человекъ заглушаетъ въ себе то хорошее, которое требовала его душа и начинаетъ посредствомъ дурного добывать себе уваженіе, благодарность и подобіе любви людей. Но рано или поздно истинныя, детскія, невинныя требованія добра берутъ свое, человекъ останавливается на пути соблазновъ и хочетъ отдаться тому, что требуетъ душа, но на дороге стоятъ соблазны, съ которыми онъ уже связалъ себя, которымъ подчинилъ себя и все люди, участвовавшіе въ его ложной жизни –и человекъ начинаетъ каяться и осуждать свои заблужденія и заблужденія техъ людей, которые разделяли ихъ, участвовали въ нихъ.

Такъ это бываетъ со всеми людьми безъ исключенія, въ этомъ вся жизнь человеческая. Различіе между людьми только въ томъ, что одинъ очунается въ молодости, другой въ зрелыхъ годахъ, третій въ старости, четвертый на одре смерти.

Но въ жизни всякаго человека и сильнаго и слабого, и большого и малого, неминуемо есть детская чистота, соблазнъ и покаяніе. Каждому человеку въ этой жизни приходится отстать отъ берега чистоты и коротко ли, долго ли переплыть черезъ реку соблазновъ и выбраться на другой берегъ спасенія истинной жизни. Со всеми это было и будетъ. Это же самое и было съ Гоголемъ за несколько летъ до его смерти.

Внутреннее событіе это –освобожденіе отъ соблазна и зла, покаяніе въ немъ, стремленіе къ возвращенію на путь добра и признаніе своихъ греховъ и указаніе того пути, которымъ человекъ избавляется отъ нихъ, есть не только неизбежное, но и самое важное событіе въ жизни человека – есть рожденіе къ истинной жизни. Это кроме того всегда самое, не только для человека, который переживаетъ его, но и для всехъ окружающихъ, самое радостное событіе. Такъ оно было всегда и

для всехъ. Почему же для Гоголя это было радостнымъ событіемъ только для него, какъ онъ говорить это, но это представилось и до сихъ поръ представляется людямъ, знавшимъ Гоголя (а знала Гоголя вся читающая Россія) самымъ печальнымъ, неприятнымъ и даже оскорбительнымъ событіемъ.

Сорокъ летъ уже лежитъ подъ спудомъ тотъ Гоголь, какимъ онъ сталъ после возрожденія, и все то, что онъ сказалъ людямъ объ этомъ своемъ возрожденіи сорокъ летъ въ печати, въ исторіяхъ литературъ, въ разговорахъ съ кафедръ[483] представляется людямъ, какъ бредъ сумашедшаго.

Всехъ учать тому, что Гоголь былъ великъ, когда онъ писалъ свои повести, какъ Тарась Бульба, въ которой восхваляются военные подвиги – убійство, и когда писалъ ревизора, въ которомъ осмеиваются все безъ исключенія люди целаго города, но что Гоголь, пишушій о томъ, что ему открыло ученіе Христа, есть падшій, сумашедшій Гоголь. Гоголь для нашей публики есть только тотъ, который забавляетъ насъ. Гоголь же тотъ, который отрекается отъ своихъ ошибокъ и кается въ нихъ, того Гоголя мы не хотимъ знать и называемъ его сумашедшимъ. Отчего случилось такое необыкновенное дело?

Мне кажется, что это случилось вотъ отъ чего: Когда молодой человекъ долгое время ведетъ разгульную жизнь, хотя бы и не порочную, но праздную, рассеянную, роскошную и себялюбивую, и потомъ опоминается, оставляетъ прежнія привычки и товарищей, то товарищи его прежняго веселья огорчаются сначала, потомъ обижаются и, не понимая техъ причинъ, по которымъ товарищъ ихъ оставилъ ихъ, и сердясь на него за это оставленіе, какъ бы осуждающее ихъ, стараются уверить себя, что подлая причины заставили ихъ товарища оставить ихъ. Такъ это бываетъ со всякимъ человекомъ: оставляя прежнихъ сотоварищей, человекъ, нравственно пошедшій дальше, оскорбляетъ ихъ. Но при всехъ такого рода положеніяхъ, человекъ, нравственно поднявшійся и оставившій прежнихъ сотоварищей, вступаетъ въ кругъ другихъ людей, техъ, до которыхъ онъ поднялся, и одобреніе этихъ людей поддерживаешь его и заглушаетъ ропоть техъ людей, которыхъ онъ оставилъ.

Такъ это бываетъ вообще въ жизни и на долгихъ промежуткахъ времени, но часто въ известномъ круге и въ известные периоды времени такое огромное большинство людей известнаго круга такъ повально стоитъ на низшей степени нравственности, что человекъ, поднявшійся выше, долго, иногда всю жизнь свою [не]находитъ той поддержки и одобренія людей высшаго сознанія, къ которымъ онъ присталъ, и умираетъ среди всеобщаго осмеянія и поруганія за то, что онъ посмелъ освободиться отъ зла, въ которомъ онъ жилъ, и признаться въ томъ, что онъ не хочетъ уже самъ служить ему, и что еще обиднее кажется, любя братьевъ своихъ, посмеетъ другимъ указать то зло, въ которомъ они находятся. Таково всегдашнее свойство движенія человека къ истине. Приближаясь къ Богу, человекъ сердцемъ приближается и къ людямъ, но умомъ, взглядомъ отдаляется отъ нихъ, возбуждаешь въ нихъ негодованіе, презреніе, озлобленіе. Это презреніе и озлобленіе известныхъ людей даже всегда служить признакомъ приближенія къ Богу: это презреніе и озлобленіе людей, прежнихъ сотоварищей, есть какъ бы то испытаніе истинности духовнаго подъема человека. Гоненіе отъ

людей должно быть. Должно быть затемь, что только тотъ человекъ, который находитъ въ себе силы исполнять волю Бога, несмотря на эти гоненія, не обманываешь себя, а действительно любить Бога и людей. Такъ это должно быть, и такъ оно для всехъ людей; но иногда, или отъ того, что велико то движеніе впередь, которое совершилъ человекъ, или отъ того, что очень нравственно темны те люди, среди которыхъ жилъ человекъ, озлобленіе прежнихъ сотоварищей бываетъ очень сильно, и тяжело переносить его. Такъ это было для Гоголя: для него соединились обе причины – и тотъ шагъ, который онъ сделалъ впередь былъ великъ, и главное – те люди, среди которыхъ онъ жилъ, его прежніе сотоварищи, стояли и еще долго после его смерти, да и теперь стоятъ на томъ низкомъ нравственномъ уровне, съ котораго сорокъ летъ тому назадъ поднялся Гоголь.

«Какъ на низкомъ нравственномъ уровне? Белинскій на низкомъ нравственномъ уровне?»—слышу я крикъ толпы. Белинскій первый осудилъ Переписку и сказалъ: Проповедникъ кнута, апостоль невежества и мракобесія, панегиристъ татарскихъ нравовъ и т. п. Б[елинскій] сказалъ: «По вашему русскій народъ самый религіозный въ міре: –ложь. Въ Русскомъ народе много суеверій, но нетъ и следа религіозности. Русскій народъ скорее можно похвалить за его образцовый индиферентизмъ въ деле веры; у него слишкомъ много для этаго здраваго смысла, ясности и положительности въ уме; вотъ этимъ то можетъ быть огромность историческихъ судебъ его въ міре»...

Примечания

5 октября 1887 года Толстой в письме к П. И. Бирюкову писал: «Очень меня заняла последнее время еще Гоголя переписка с друзьями – какая удивительная вещь. За 40 лет сказано, и прекрасно сказано, то, чем должна быть литература. Пошлые люди не поняли, и 40 лет лежит «под спудом наш Паскаль. Я думал даже напечатать в Посреднике выбранные места из переписки. Я отчеркнул, что пропустить» (ТЕ, 1913, стр. 119). 10 октября того же 1887 г. в письме к В. Г. Черткову Толстой высказывается о Гоголе еще пространнее: «... о Гоголе вот что: перечел я его переписку третий раз в жизни. Всякий раз, когда я ее читал, она производила на меня сильное впечатление, а теперь сильнее всех. Я отчеркнул нелишнее, и мы прочли вслух – на всех произвела сильное впечатление и бесспорное. 40 лет тому назад, человек, имевший право это говорить, сказал, что наша литература на ложном пути – ничтожна, и с необыкновенной силой показал, растолковал, чем она должна быть, и в знак своей искренности сжег свои прежние писания. Он многое и сказал в своих письмах, по его выражению, что важнее всех его повестей. Пошлость, обличенная им, закричала: он сумасшедший, и 40 лет литература продолжает идти по тому пути, ложность которого он показал с такой силой, и Гоголь, наш Паскаль, – лежит под спудом. Пошлость царствует, и я всеми силами стараюсь сказать то, что чудно сказано Гоголем. Надо издать выбранные места из его переписки и его краткую биографию в Посреднике. Это удивительное житие»... (ТЕ, 1913, стр. 58).

О том же писал 14 октября 1887 г. Толстой к Н. Н. Страхову:

«Еще сильнее впечатление у меня было подобно Канту – недели три тому

назад при перечитывании в 3-й раз в моей жизни переписки Гоголя. Ведь я опять относительно значения истинного искусства открываю Америку, открытую Гоголем 35 лет тому назад. Значение писателя вообще определено там (Письмо его к Языкову, 29) так, что лучше сказать нельзя. Да и вся переписка (если исключить немного частное) полна самых существенных, глубоких мыслей. Великий мастер своего дела увидел возможность лучшего деланья, увидел недостатки своих работ, указал их и доказал исправность своего убеждения и показал хоть не образцы, но программу того, что можно и должно делать, и толпа, не понимавшая никогда смысла делаемых предметов и достоинства их, найдя бойкого представителя своей низменной точки зрения, загоготала» и 35 лет лежит под спудом в высшей степени трогательное и значительное житие и поученья подвижника нашего цеха, нашего русского Паскаля. Тот понял несвойственное место, которое в его сознании занимала наука, а этот – искусство. Но того поняли, выделив то истинное и вечное, которое было в нем, а нашего смешали раз с грязью, так он и лежит, а мы-то над ним проделываем 30 лет ту самую работу, бессмысленность которой он ясно показал и словами и делами. Я мечтаю издать выбранные места из переписки в Посреднике с биографией. Это будет чудесное житие для народа. Хоть они поймут». (См. т. 64 настоящего издания.) В письме к Н. Н. Страхову от 26 января 1888 г. Толстой сообщил: «Теперь хочется написать предисловие к статье о Гоголе – прекрасной – одного Орлова и еще статью о пьянстве, которая мне представляется очень важной» (ТТ, 2, стр. 56). [643] В том же январе Ф. Н. Бергу по поводу статьи Орлова: «Хочется мне написать хорошенькое предисловие к этой статье, но не знаю, удастся ли» (т. 64).

А в письме Толстого из Москвы к В. Г. Черткову от 24 января 1888 г. читаем: «Нынче второй день стал оживать и начал о Гоголе-мне интересно». В те же январские дни В. Г. Чертков был в Москве у Толстого (в письме от 26 января 1888 г. уже из Воронежской губернии В. Г. Чертков пишет Толстому: «Я был так рад повидаться с вами в Москве») и, очевидно, попросил черновик статьи о Гоголе для переписки, потому что в письме к Толстому от 28 января 1888 г. он сообщал: «Статью о Гоголе мы как раз переписали». Переписан был текст, повидимому, рукой П. И. Бирюкова и кончался словами: «и даже оскорбительнымъ событіемъ» (см. стр. 649 строка 22 сверху). Надо думать, что этими словами кончался и первый черновик статьи о Гоголе (рукопись № 1). Он и копия (рукопись № 2) были возвращены автору, который в письме к В. Г. Черткову из Москвы от 2 февраля 1888 г. заметил: «Я всё так же слаб и ленив, ничего не пишется, и потому с статьей Гоголя не дожидаетесь меня» (ТЕ, 1913, стр. 60). 8 февраля ему же: «Я ничего продолжительного не работал. Предисловие остановилось...» (ТЕ, 1913, стр. 61).

9 февраля Толстой пишет Черткову: «Начатые статьи о пьянстве и о Гоголе лежат, и принимаюсь продолжать и останавливаюсь – не идет...» (ТЕ, 1913, стр. 61). Вероятно, этим «продолжением» была вторая часть статьи, написанная на той же первой черновой рукописи (палеографические признаки это подтверждают), начиная со слов: «сорокъ летъ уже лежитъ подъ спудомъ...» (см. выше стр. 650, строка 23), а С. А. Толстая на копии, присланной от Чертковых, перебелила это продолжение как продолжение копии, прибавив к ней еще два листа

в 4-ку (штамп и качество бумаги первых 4 лл. и последних двух листов различны), затем Толстой слегка поправил копию.

После 9 февраля 1888 года упоминаний статьи о Гоголе нет. Таким образом статья о Гоголе писалась в Москве 24 января и около 8–9 февраля 1888 г. С этими датами согласуется и дата на рукописи «1888 январь», сделанная рукой С. А. Толстой. Идея же статьи вызвана еще в октябре 1887 г. чтением «Переписки с друзьями» Гоголя. Причины, почему статья оказалась неоконченной, сообщает в своих воспоминаниях Н. Тимковский («Душа Л. Н. Толстого», М. 1913, стр. 154), рассказывая о Толстом: «Когда брошюра Посредника: «Гоголь, как учитель жизни» возбудила среди интеллигенции жаркие дебаты, он горячо принял под свою защиту Гоголя, разыскал и передал мне свою статью о «Переписке Гоголя», не законченную потому, что Льву Николаевичу, по его собственным словам, не хотелось вступать в полемику с Белинским».

Статья Толстого о Гоголе сохранилась в двух черновых рукописях АТБ в папке ХХ.

1. Автограф – первый черновик, на 4 лл. белой писчей бумаги в 4-ку, без пагинации. Текст писан коричневыми чернилами и очень сильно правлен рукой Толстого. Писан с обеих сторон. Заглавие: «О Гоголе». «1888 г. Январь» вписано синими чернилами рукой С. А. Толстой. Палеографические признаки показывают, что текст писан по меньшей мере в два приема.

2. Копия с автографа на 6 лл. писчей белой бумаги с пагинацией по лл. 2–5 (лл. 1 и 6-й не нумерованы). Листы 1–3 об. до половины писаны, повидимому, рукой П. И. Бирюкова темными чернилами, остальные с л. 3 оборота до конца рукой С. А. Толстой синими чернилами. Копия правлена, но не очень значительно рукой Толстого светло-коричневыми чернилами. Заглавие: «О Гоголе. 1888 г. Январь» сделано рукой С. А. Толстой. Копия сделана невнимательно и содержит ряд ошибок и пропусков. Палеографически важно отметить, что бумага первых четырех листов копии имеет клеймо одной фабрики, а последние два содержат клеймо другой фабрики и несколько иного качества. Это важно для датировки моментов работы.

По этой второй рукописи ив дается выше на стр. 648–651 статья о Гоголе, причем в виду небрежности копии нами введены в текст ее поправки из автографа. Кроме того, считаем нужным привести здесь из автографа рукописи № 1 несколько зачеркнутых там кусков текста, именно:

Стр. 648 строка 27 вместо: «Но рано или поздно»... первоначально было в автографе: «Но заглушить требованія добра нельзя, [потому] ч[то] они истинныя требованія человеческой природы, а требованія мірскія суть только соблазны подобія добра и рано или поздно»...

Стр. 649 строка 3 после слова «смерти» в автографе зачеркнуто: «а во вторыхъ въ томъ, что по духовнымъ силамъ своимъ люди не равны, что одному дано 5 талантовъ, а другому одинъ, что и заблужденіе и покаяніе и рожденіе человека съ малыми духовными силами мало заметно

намъ, а что заблужденіе и покаяніе человека съ большими духовными силами очень заметно намъ. Человекъ съ малыми духовными силами въ своихъ заблужденіяхъ шель только за другими, человекъ съ большими духовными силами въ заблужденіяхъ своихъ увлекаль за собою другихъ, былъ образцомъ для многихъ и потому и покаяніе перваго незаметно намъ, покаяніе же втораго поражаетъ, бросается всею въ глаза»...

Стр. 649 строка 9 после слова «смерти» в автографе зачеркнуто: «Но случилось такъ, что это самое обычное, простое, естественное и неизбежное для всехъ насъ событіе его жизни не было понято какъ самое простое и естественное событіе, а приняло въ нашихъ глазахъ какое-то странное (и что удивительнее всего) невыгодное для нравственной личности Гоголя значеніе. Произошло это отъ того, что распространителемъ мненій въ обществе есть печать, литература. Здесь же при покаяніи Гоголя, самый тотъ соблазнъ, въ которомъ покаялся Гоголь, была эта самая литература.

Отъ этого то произошла та страшная путаница въ нашихъ понятіяхъ о перемене взглядовъ, произошедшихъ въ Гоголе, и въ продолженіи почти полустолетія тотъ въ высшей степени ясный и поучительный переломъ въ жизни Гоголя, происшедший со времени его болезни, представляется намъ чемъ то дикимъ, уродливымъ, болезненнымъ и все те великія мысли, который были выражены Гоголемъ въ его письмахъ, остались и остаются для всехъ насъ чуждыми и непонятными».

Стр. 651 строки 1–10 вписаны над следующимъ зачеркнутымъ текстомъ: «Что жъ тутъ толковать. – И спросить у толпы, что разумель Белинскій въ своей статье, на какомъ основаніи онъ осудилъ переписку и поставилъ выше ея прежнія произведенія и вы увидите, что толпа ничего этого не знаетъ».

Существуетъ другая статья Толстого о Гоголе, относящаяся к 1909 г. Она издается в томѣ 38 настоящаго изданія.

Сноски

483. Зачеркнуто: Гоголь известень и ценимъ только тотъ, отъ котораго онъ самъ отказывается, и неизвестень тотъ, к[оторымъ] онъ самъ призналь себя. Гоголь, павшій написалъ свою переписку съ друзьями, и исповедь этаго Гоголя не нужно знать. Гоголь есть только тотъ, к[оторый] намъ нравится, к[оторый] забавляетъ насъ. Онъ отрекся отъ этого Гоголя, стало быть онъ сумашедшій.

643. А. И. Орлов, «Н. В. Гоголь, какъ учитель жизни», изд. «Посредникъ», № 45, М. 1888.